

Феликс Кохрихт

Мне Хармса сыграйте...

Вот такая история недавно случилась в трактире на Литейном. Подходит к нашему таперу Ивану Акинфиевичу выпивший посетитель. Сует три целковых и заказывает: «А сыграйте мне Брамса!». Иван Акинфиевич – ученик Рубинштейна – оживился и спрашивает: «А что же именно вам сыграть?». И слышит: «Я же сказал – Брамса!» Так они разговаривали довольно долго, и тут посетитель осерчал и вскрикнул: «Ну, просто Брамса! Брамс-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та-та!». И чуткое ухо тапера уловило,

Влад Костыка

Алена Дмитриева и Михаил Бубер

что не знаменитого немецкого композитора алчет услышать сей меломан, а станцевать фрейлехс...

Вот такая история могла бы приключиться в пространственно-временном континууме, в котором и нынче царит талант и фантазия Даниила Ивановича Ювачева, среди множества литературных псевдонимов которого возобладали Даниил Хармс.

Анекдот, который я пересказал, придумали гораздо позже, чем он вышел из дому и исчез, хотя исчез его персонаж, а сам писатель обнаружился в скорбном месте, но об этом – позже.

А в заголовок этих заметок я вынес переименованную строку их стихотворения Бориса Пастернака: «Мне Брамса сыграйте. Я вздрогну, я сдамся...». И не только потому, что так и тянет меня продемонстрировать свою эрудицию, обретенную с годами ловкость в игре ассоциациями... Что-то близкое и родственное почудилось мне в судьбах этих блистательных представителей отечественной словесности – в их органичной искренности и естественности в проявлениях столь разных, на первый взгляд, но столь родственных (рискну предположить) талантов.

Брамс, Хармс... Они пошудились мне, когда я выходил из фойе одесского ТЮЗа после спектакля «Удивительный случай», поставленного режиссером Светланой Свирко по пьесе, сочиненной ею по мотивам произведений Д. Хармса и А. Введенского. Два предлога «по» мною замечены, но не стану я тратить время на правку. Жанр премьеры определен как «театральная клоунада в одном действии», и то, и другое соответствует действительности.

На мой взгляд, спектакль получился, образно говоря, не одесский, а питерский, и на то есть обоснования.

Замечу сразу: Свирко выбрала из Хармса сюжеты, которые не относятся к любимым мною, иные из сценок и реприз я и вообще с трудом вспомнил, а кое-что узнал впервые. Вероятно, так оно и должно быть – новый главный режиссер нашего театра приехала из Санкт-Петербурга, где училась, работала, а может быть, и родилась.

Отсюда и восприятие, и интерпретация философии и эстетики обэриутов*, создавших именно здесь блистательное литературное и не только течение, вошедшее в мировую культуру как ярчайшее проявление концепции абсурда – системы познания мира и человека.

Прочел эту топорную и вызывающе дилетантскую формулировку и отсылаю просвещенных зрителей и читателей к трудам

Ирина Охотниченко

* ОБЭРИУ (Объединение реального искусства) – так назвали свою общность ленинградские литераторы. Его деятельность продолжалась с 1927 по конец 30-х годов XX века.

Людмила Ланец и Елена Шаврук

маститых ученых и критиков. Ибо делюсь не мыслями, а чувствами, которые сегодня ценю у себя гораздо выше.

А чувства таковы: преобладает грусть и горечь, тоска по уничтоженным соотечественникам, труды которых я прочел и узнал гораздо позже, чем требовалось для становления одесского книжного мальчика, да еще учившегося (пусть и заочно) на филфаке университета.

Для таких же, каким был я, и для тех, кто сегодня придет на спектакль, ничего не зная о Хармсе и Введенском, сообщу, что обэриуты стали жертвами сталинского террора, они погрешили лишь тем, что «мешали социалистическому строительству своими оторванными от жизни сочинениями». Так значилось в одном из обвинительных заключений по делу Хармса, Введенского, Олейникова, уничтоженных разными способами в конце 30-х – начале 40-х годов XX века. Их убивали и ссылали в гибельные лагеря в дни, когда родной Ленинград погибал в блокаде...

По степени зловещего абсурда эта коллизия может соперничать с той, о которой поведал писатель Илья Эренбург: в декабре 41-го, когда фашистов отделяли от Кремля лишь тридцать кило-

Оксана Бурлай-Питерова и Ирина Охотниченко

метров, были расстреляны советские разведчики, предупреждавшие Сталина о том, что Германия нападет в июне... За то, что чуть не поссорили СССР с надежным союзником – Гитлером.

И тут самое время процитировать Хармса, прозорливо заметившего еще в годы своей благополучной популярности: «Только абсурд передает бессвязность жизни и смерти в постоянно меняющемся пространстве времени».

Историки литературы называют Хармса гением абсурда, подчеркивая, что и Беккет, и Ионеско, и Кафка лишь вслед за ним сполна реализовались в этой творческой манере.

Но обратимся к спектаклю. На сцене нет ни Сталина, ни его подручных, не раздаются выстрелы. Сюжет действия заземлен, а пространство ограничено коммуналкой. Все условно, как и положено в клоунаде. Соответственно персонажи форсируют реплики, от души демонстрируют аффект, соревнуются в гэггах, пластических импровизациях. Они потешны, но только – поначалу...

Ничего не поделаешь, придется привести еще одну цитату – из Булгакова: «Люди как люди, квартирный вопрос только испортил их». Так-то оно так, но алчные цирковые зрители из «Мастера...»,

обитатели «Вороньей слободки» (Ильф и Петров), больничные пациенты, не желавшие купаться в одной ванне с тифозной старухой (Зощенко), вызывают смех, а вот персонажи, созданные Хармсом, – оторопь, переходящую в ужас и желание взглядеться в себя, в нашу с вами жизнь.

Если обе Иды Марковны и их соседи по коммуналке в 30-е годы века XX века дерутся за место у окна, из которого лучше всего видно, как двое рабочих скатываются с крыши и разбиваются всмятку, то наши современники в век нанотехнологий и геной инженерии делают селфи при помощи навороченных гаджетов на фоне горящих заживо людей, взрывающихся автомобилей, жадно рассматривают в Интернете «акции» людоедов и иных извращенцев...

Оказывается, не ехидный Свифт, не унылый Ницше, не заумный Шпенглер и даже не прозорливый Достоевский сумели заглянуть в будущее и углядеть – нет, не яйцеголовых ученых, играющих с огнем, не ниспровергателей государств и церквей, не бесноватых фюреров, не сверхчеловеков и бесов... Они, разумеется, вредоносны, но Хармс и его единомышленники углядели

Янина Крылова

самую опасную популяцию, вызревшую как раз к нашему времени, – обывателей вооруженных самыми передовыми технологиями при полном отсутствии каких-либо идей, даже параноидальных...

Собственно говоря, их можно назвать и винтиками, и гвоздиками, и шайбочками, и болтиками, столь симпатичными диктаторам всех времен. Может быть, поэтому Сталин дал Булгакову и Зощенко умереть в своих постелях, а вот Олейникова и Введенского расстрелял. Даниила Ювачева после ареста поместили в психиатрическую клинику, где он и скончался в 1942 году.

У Хармса есть сюжет о мужчине с тонкой шеей, который неведь каким образом попал в запертый сундук и, представьте себе, там уцелел. И далее – цитата (по памяти): «жизнь победила смерть неизвестным образом». Исследователь творчества Хармса обращает наше внимание на то, что из-за свойства русских падежей эта фраза, прочитанная задом наперед, приобретает совсем иной смысл...

Поймал себя на том, что еще ни слова не сказал о мизансценах и декорациях, об исполнителях главных ролей и хоре, об ансамблях и дуэтах, о музыке и песнях, о костюмах и свете...

Уверен, об этом еще напишут рецензенты, а быть может, уже написали. Спектакль, на мой взгляд, – не только яркая удача режиссера и всей труппы, руководства театра, но и повод для волнений и рассуждений, что нынче случается с нами, зрителями, согласитесь, не так часто.

И все же было бы неправильным и самонадеянным заканчивать статью словами автора, когда есть Даниил Хармс, однажды написавший с не присущим ему пафосом:

«Философ бил в барабан и кричал: «Я произвожу философский шум. Этот шум не нужен никому: он даже мешает всем. Но если он мешает всем, то, значит, он не от мира сего. А если он не от мира сего, то он от мира того. А если он от мира того, то я буду производить его!»

...«Мне Брамса сыграйте, – тоской изойду».

Это – Пастернак.